

Г.Д. Гловели

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Меркантилизм, мир-системная гегемония и протоанализ национальной конкурентоспособности

Аннотация. Статья рассматривает в мир-системной ретроспективе курсы европейского меркантилизма и «Политической арифметики» Уильяма Петти. Показано, что возвышение в XVII в. Голландии (Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов) как первой державы-гегемона возникшей капиталистической мир-системы сделало это государство «эталонным ареалом» доктрины активного торгового баланса. Продемонстрировано, что У. Петти дал наиболее пронизательные и глубокие объяснения торговых успехов и промышленной конкурентоспособности Голландии, включая различные структурные и институциональные аспекты. Раскрыто, что, в отличие от других сторонников доктрины активного торгового баланса, Петти не ограничился характеристикой голландского лидерства в кораблестроении и мореходстве и транзитной торговле. Он зафиксировал опережающее развитие в Голландии диверсифицированного сельского хозяйства (плодосменное земледелие, молочное животноводство, выращивание технических культур), энергетики (ветромеханизация) и мануфактурной промышленности (особенно на дальнепривозном сырье). В контексте мир-системного подхода проанализировано, как Петти отобразил центропериферическую структуру сформировавшейся системы международного разделения труда и отметил, что оборотной стороной господства Нидерландов в морской торговле и их специализации на высокодоходных производствах было закрепление специализации на трудоемком сельском хозяйстве европейских стран к востоку от Эльбы. В сопоставлении с «ромбом национальных конкурентных преимуществ» М. Портера выявлено, что У. Петти в «Политической арифметике» на примере Голландии фактически проанализировал три из четырех основных элементов национальной конкурентоспособности: 1) параметры факторов производства; 2) сегментная структура и другие условия спроса; 3) наличие в стране родственных или поддерживающих отраслей, конкурентоспособных на международном рынке. Отмечена дальновидность Петти как прогнозиста, позволившая ему разглядеть существенные признаки возвышения Англии как новой державы-гегемона на следующем системном цикле капиталистического накопления. Кратко охарактеризованы в сравнении с голландским эталонным ареалом доктрины торгового баланса отличительные черты английского эталонного ареала физиократии и классической политической экономии.

Ключевые слова: *доктрина торгового баланса, голландский «эталонный ареал», мир-системная гегемония, ромб национальной конкурентоспособности, центропериферическая структура, осевое разделение труда, промышленная революция.*

Классификация JEL: B11, B31, L60, N93.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-8

1. Постановка проблемы

Историки экономических учений до сих пор не обращали пристального внимания на характеристику экономического процветания Голландии, данную крупнейшим экономистом XVII в. У. Петти в его

главной работе «Политическая арифметика» (1676 г., опубликована посмертно в 1690 г.). Не является исключением и К. Маркс, хотя он признал Петти «отцом политической экономии», а Голландию— «образцовой капиталистической страной XVII столетия» (Маркс, 1960, с. 232, 755). Советские биографы Петти, канонизированного марксистской традицией в качестве первого из триады классиков английской буржуазной политической экономии (Петти — Смит — Рикардо), отмечали развитие Петти «самых передовых идей меркантилизма» и особые симпатии к Голландии (Аникин А., Аникин В., 1986, с. 29, 54), но не придали этим симпатиям особого значения.

Между тем в анализе «политическим арифметиком» причин голландского «экономического чуда» («удивительного взлета», «золотого века» и т.п.) можно выделить многие важные и актуальные нюансы. Во-первых, Петти, разделяя доктрину торгового баланса, ярче, чем кто-либо, обрисовал эталонный ареал этой доктрины — Республику Соединенных провинций Северных Нидерландов — образец национального экономического успеха и пример для подражания. Во-вторых, проникнув глубже своих современников в секреты нидерландской конкурентоспособности на мировых рынках, Петти по существу охарактеризовал три из четырех сторон «ромба национальной конкурентоспособности», очерченного известным современным теоретиком конкуренции и экспертом М. Портером в его резонансной книге «Международная конкурентоспособность. Конкурентные преимущества наций» три века спустя (Портер, 2017, с. 18, 112). В-третьих, Петти сумел подметить те конкурентные преимущества Голландии, включая диверсификацию сельского хозяйства и мануфактурной промышленности, которые были прямо связаны с выгодной структурной позицией страны в международном разделении труда, обеспечившей Голландии гегемонию в сложившейся в XVII в. капиталистической мир-системе. И, наконец, британское стремление имитировать и превзойти успех Голландии, наряду с убежденностью в потенциале собственной страны, позволили Петти разглядеть некоторые предпосылки превращения Англии в следующего гегемона капиталистической мир-системы. Предсказание Петти о будущей руководящей роли Англии во всемирной торговле можно рассматривать как удачный мир-системный прогноз.

Таким образом, предлагаемый в статье новый взгляд на экономическое наследие У. Петти ставит целью эксплицировать элементы учения знаменитого экономиста, связанные с актуальной проблематикой динамики капиталистической мир-системы и национальных конкурентных преимуществ в международной экономике. Главной задачей является раскрытие протоанализа конкурентных преимуществ наций в «Политической арифметике» У. Петти и мир-системных факторов экономико-исторической роли Голландии (Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов) как эталонного ареала меркантилистской доктрины активного торгового баланса. В заключение под-

черкивается эвристическая значимость наследия Петти для нового ракурса истории экономических учений – рассмотрения их эволюции в связи с меняющимися эталонными ареалами.

2. Краткий обзор историографии меркантилизма в контексте голландского экономического чуда

После того как А. Смит отождествил заглавие книги лондонского негоцианта Т. Мана «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства» с основным ошибочным положением системы «меркантилизма», или «политической экономии во всех торговых странах» (Смит, 2007, с. 424, 512), в экономической мысли надолго утвердилась негативная трактовка меркантилизма как ложной доктрины, смешивающей богатство с деньгами (McCulloch, 1828, р. xx; Вернадский, 1858, отд. I, с. 20; и др.). Трактат Смита, как известно, стал краеугольным камнем для классической, либеральной или ортодоксальной школы политэкономии, чье победоносное шествие как экономико-теоретической системы было усилено впечатляющим ростом Великобритании в первой половине XIX в. как «фабрики мира» (Blanqui, 1837, р. 355). Явное британское мировое экономическое лидерство сопровождалось торжеством фритредерства, почерпнувшего у смитовской классической школы аргументы о выгодах естественной свободы торговли, а у первых авторов, назвавших себя экономистами, французских физиократов, лозунг невмешательства государства (*laissez faire*).

Меркантилизму сложившаяся «либеральная ортодоксия» политической экономии и экономической политики отводила роль отброшенной за исторический вред «пристрастной и притеснительной политической экономии» (Смит, 2007, с. 635). Экономические историки-либералы стерли грани между доктриной торгового баланса (*balance of trade*), уделявшей значительное внимание усилиям правительства, направленным на изменение структуры национальной экономики, и примитивными концепциями и запретительными практиками накопления благородных металлов внутри страны (*accumulation of specie*). Хрестоматийным примером такого примитивного меркантилизма стала держава испанских Габсбургов («владычица рудников»). Ее короли тщетно пытались прямыми монаршими запретами удержать в Испании серебро и золото, в изобилии получаемые из рудников Перу и других колониальных владений. В итоге благородные металлы все равно уходили за границу, а страна понесла непоправимый урон в земледелии и мануфактурах из-за изменений в структуре цен, вызванных наплывом звонкой наличности.

К рубежу XIX–XX вв., когда уже значительный круг государств был охвачен процессом индустриализации, а фритредерская Великобритания утратила позицию фабрики мира, выросло влияние альтернативных либеральной ортодоксии школ политэкономии. Они

поставили под сомнение «естественность» неограниченной конкуренции и государственного невмешательства. На этом фоне произошло переосмысление политэкономической меркантилистской литературы и значительное ретроспективное расширение ее круга, включившего, в частности, представителей германских «камеральных наук» (Брикнер, 1876; Onken, 1902; Small, 1909; и др.). Причем общим местом в историографии экономических учений стало указание на Голландию как на пример, которым вдохновлялись и английские, и французские, и германские меркантилисты (Ингрэм, 1897, с. 57–58; Косса, 1900, с. 188; Жид, Рист, 1918, с. 14). Но, кроме того, были отдельно выделены те из английских и французских авторов, кто занимал переходное положение между меркантилистскими дискурсами и школами экономистов-фритредеров (Левитский, 1914, с. 266). Особое место среди этих авторов отводилось У. Петти в Англии и П.Л. де Буагильберу во Франции, которых К. Маркс назвал зачинателями классической политической экономии.

Пересмотр дискурсов европейского меркантилизма экономистами и историками продолжался и в течение XX в. Резонансной стала глава о меркантилизме в «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса (Кейнс, 2007, с. 303–331). Среди оппонентов «архитектора» макроэкономики, указывавших на его излишне вольное обращение с историческим материалом, был и автор фундаментального исследования о меркантилизме шведский историк Э. Хекшер, также известный новым обоснованием либеральной доктрины «сравнительных преимуществ» в международной торговле. Сам Хекшер резюмировал «трагедию меркантилизма» как «дисгармонию», порождавшую бесконечные торговые войны при переходе от «универсального статического идеала Средневековья к «универсальному динамическому идеалу» эпохи *laissez faire*. По мнению Хекшера, меркантилисты исходили из представления о статичности общих мировых экономических ресурсов, не допуская возможности увеличения мирового богатства в целом, но при этом энергично преследовали радикальные динамические цели для своих национальных государств (Hecksher, 1936, p. 48).

Если экономистам Великая депрессия XX в. дала импульс к обоснованию масштабного правительственного вмешательства в экономику, то историкам – к масштабной дискуссии о европейском «всеобщем кризисе XVII века», последовавшем за прекращением обильного трансатлантического перелива благородных металлов (Валлерстайн, 2016, с. 3–4). В ходе этой дискуссии был по-новому представлен меркантилизм XVII в. – как государственная политика в трех ведущих европейских экономиках: Голландии, Англии и Франции. Медиевисты сделали акцент на том, что при переходе от Средневековья к Европе Нового времени («модерну») тогдашние меркантилистские правительства искали спасения от затяжного кризиса «в судорожной и ожесточенной погоне за постоянно ускользающим равновесием» (Mousnier, 1953, p. 143).

Позднее основатель школы мир-системного анализа И. Валлерстайн рассмотрел меркантилизм в контексте образования современной капиталистической мир-системы («мир-системы модерна»), возникшей в противоборстве с трансконтинентальной католической монархией («мир-империей») испанских и австрийских Габсбургов. Капиталистическая мир-система сложилась вокруг северо-западноевропейского ядра, или центра (core), – Нидерландов, Англии и Франции. Эти страны в силу ряда исторических обстоятельств оказались лучше остальной Европы приспособлены к вызову «всеобщего кризиса XVII века». Они смогли разнообразить свою сельскохозяйственную специализацию, добавляя к этому разнообразию коммерции, связанной с развитием мануфактурной промышленности (Валлерстайн, 2001, с. 37–38). Но внутри ядра особо выделилась в аграрном и мануфактурном производстве, торговле и финансах Голландия, точнее – Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов, самопровозглашенная в 1576 г. и в 1621 г. вынужденно признанная бывшей метрополией Испанией. В течение полувека после признания независимости (до 1672 г.) Голландская Республика занимала место первой в истории державы-гегемона капиталистической мир-системы. И именно к этому времени относится голландское «экономическое чудо», сделавшее тогда страну «моделью цивилизации» для всей мыслящей Европы (Валлерстайн, 2016, с. 79).

Дискурсы меркантилизма в европейских странах по обе стороны – к западу и к востоку – от Голландской Республики ориентировались на нее как на эталонный ареал. Образцом экономических достижений Северных Нидерландов был прежде всего растущий активный торговый баланс, которому способствовала мануфактурная промышленность, сосредоточенная на высокоприбыльных процессах конечной отделки. Эффективность этой промышленности была такой, что ее продукция оказывалась конкурентоспособной даже на внутренних рынках других (но не достигших позиции гегемона) государств мир-системного ядра, западных соседей Нидерландов – Англии и Франции (Валлерстайн, 2016, с. 44–45). Отсюда – амбивалентное отношение англичан и французов к экономическому чуду Нидерландов: смесь вынужденного восхищения и желания подражать с навязчивой антиголландской идеей (Валлерстайн, 2016, с. 95). Английский и французский меркантилизм – и в воинственных памфлетных призывах, и в государственных действиях (от навигационных и протекционистских запретов до прямой военной агрессии) – был реакцией на голландское превосходство в конкурентоспособности (Валлерстайн, 2001, с. 39, 49).

Уже в нашем столетии норвежским экономистом Э. Райнертом была предпринята очередная переоценка меркантилизма в контексте противоречий современной глобализации. В ретроспективной защите меркантилистской политики Райнерт выдвинул новый аргумент: поощрение мануфактурного импортозамещения означало стимулирование

роста в стране отраслей с возрастающей отдачей. Эту интерпретацию сопровождало введение понятия «эмуляция» (emulation) – следование экономическому опыту других стран с целью сравниться «или превзойти их в каком-либо достижении или качестве» (Райнерт, 2011, с. 14, 46). Райнерт подчеркивает стремление Англии, Франции и Германии в XVII в. «эмулировать» Голландию, впечатлявшую современников флотом, уровнем диверсификации производства и мощной «синергией» между компаниями, работающими в разных сферах (Райнерт, 2011, с. 111, 123–124, 132). По существу, Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов тогда воспринималась как эталонный ареал конкурентоспособности, что и отразилось в доктрине торгового баланса и проистекавших из нее меркантилистских практиках.

Однако и Валлерстайн, и Райнерт в новых интерпретациях меркантилизма прошли мимо фигуры Уильяма Петти, время жизни которого (1623–1687) падает на годы голландской мир-системной гегемонии и начала борьбы между Англией и Францией за новую гегемонию. Наша статья восполняет этот пробел.

3. Голландский «эталонный ареал» доктрины торгового баланса

К. Маркс признал У. Петти первым «классиком» политической экономии, поскольку обнаружил у него зачатки трудовой теории стоимости и первый анализ дифференциальной ренты (Маркс, 1962, с. 357–362). Не без иронии относившийся к Марксовому мнению Й. Шумпетер, тем не менее воздавал хвалу Петти как теоретика, первым внесшему в экономический анализ фактор скорости обращения денег (Schumpeter, 1954, р. 203, 206, 301). Представители разных школ и направлений экономической мысли XX в. видели в Петти проницательного эмпирика, уловившего всемирно-историческую тенденцию структурных сдвигов от преобладания первичного сектора к возрастанию доли вторичного и третичного секторов (Clark, 1940, р. 176); «выдающегося выразителя научной революции XVII в.» (Strauss, 1954, р. 225); «творца понятия национального дохода» (Студенский, 1968, с. 42); предшественника теории человеческого капитала (Kiker, 1966, р. 482) и т.д.

М. Блауг резюмировал наследие У. Петти как «настоящий рог изобилия», позволяющий «генерировать идеи, касающиеся всех аспектов экономики» (Блауг, 2005, с. 236–237). Хронологически в ряду великих экономистов в известном списке Блауга (там же, с. 9) Петти занимает второе место после Т. Мана, оставившего после себя только одну идею – необходимость активного торгового баланса для Англии. Эта идея – ядро, сердцевина (core) меркантилизма (Blaug, 1990, р. 10). И хотя Петти далеко вышел за рамки меркантилизма, несомненно, что приверженность этой идее он сохранил до конца своей жизни и деятельности. Как и уверенность в грядущем увеличении активного торгового баланса Англии.

Т. Ман был потомственным дельцом, приумножившим семейное состояние в бизнесе Английской Ост-Индской компании. Его апология этой компании с аргументом «нам следует особенно подражать практике голландцев» (Mun, 1621, р. 48) вышла еще до рождения Петти. Второе сочинение Мана с более подробным изложением доктрины торгового баланса и рекомендациями для превращения «этого королевства» в «образец монархии» (Mun, 1664, ch. XIX, р. 178) было написано на склоне лет и оставалось в рукописи четверть века. За эту четверть века монархия была сметена пуританской Английской революцией 1640–1650-х годов (вознесшей среди прочих и бывшего вундеркинда, моряка и медика Петти), а затем восстановлена с прежней династией Стюартов. Но реставрированная монархия, посмертно лишив головы революционного диктатора Кромвеля, продолжила его курс на укрепление могущества британского флота и антиголландские Навигационные акты (Тарле, 2001, с. 126–130).

Новый ужесточенный Закон о мореплавании (1660 г.) провел бывший посланник в Голландии, королевский канцлер казначейства Дж. Даунинг — «архитектор английского меркантилизма» (Wilson, 1965, р. 168), служивший как Кромвелю, так и Стюартам. Вскоре дискриминационные меры в отношении морской торговли и рыболовства Нидерландов были дополнены запретами на вывоз шерсти и кож и ввоз ряда готовых изделий, чтобы стимулировать собственные экспортно ориентированные отрасли промышленности (Конради, 1925, с. 107).

Даунинг, возможно, как никто другой, воплотил амбивалентное отношение англичан к голландцам — стремление эмулировать в сочетании с яркой враждебностью. Таким же было отношение французов, начиная с короля-солнца Людовика XIV и его министра, «архитектора» французского и олицетворения европейского меркантилизма Ж.-Б. Кольбера. Против ввоза нидерландской мануфактурной продукции был направлен знаменитый кольберовский протекционистский тариф 1667 г., оформивший общепольскую таможенную систему, ориентированную на промышленное импортозамещение. Создание Кольбером Французской Вест-Индской и других привилегированных компаний для заморской торговли было нацелено не столько на выгоды для Франции, сколько на ущерб Голландии (Малов, 2000, с. 104, 106).

Издание в 1664 г. старой книги Т. Мана пришлось весьма кстати обновленному английскому королевскому двору. У. Петти в тот год написал «*Verbum Sapienti*» («Слово мудрым»), где рекомендовал направить труд на «производство таких товаров, которые привлекут к нам из-за границы деньги» (Petty, 1899, р. 119). За годы, отделяющие «Слово мудрым» от создания главного научного труда Петти — «*Политической арифметики*» (1676 г.), наступательный антиголландский характер французского меркантилизма дошел до прямого вторжения огромной французской сухопутной армии в Нидерланды, позволившего английскому флоту сломить военное сопротивление Соединенных провинций на море.

Начатые Кромвелем и завершенные при реставрированных Стюартах торговые войны 1652–1674 г. вынудили голландцев смириться с Навигационными актами и уступить англичанам земли Новых Нидерландов в Новом Свете. Но одновременно в те же годы в Англии одна за другой выходили новые книги о выгодах активного торгового баланса, неизменно ставившие в пример его впечатляющий рост в Голландии. Авторами были директор обновленной Английской Ост-Индской компании Дж. Чайлд (1668 г.), английский посланник в Голландии баронет У. Темпл (1673 г.) и другие «подражатели Голландии» (Янжул, 1876, с. 72). Аналогичные трактаты распространились в то время и в других странах Европы. В том числе — дополненное классическое наставление по камеральным наукам Ф. фон Зекендорфа «Германское княжество» (1664 г.), «Политическое рассуждение о том, как сделать страну богатой и густонаселенной» (1668 г.; 2-е изд. 1673) часовых и многих других дел мастера И.И. Бехера, основателя венского «Мануфактурного дома» (1673 г.), и т.д.

Т. Ман, восхищаясь голландским «чудом» активного торгового баланса маленькой и бедной естественными богатствами страны, обращал внимание почти исключительно на рыболовство и транзитную торговлю зерном и заокеанскими товарами. Лишь мимоходом он указал на промышленные успехи нидерландцев — в отраслях, связанных с кораблестроением и огнестрельным вооружением (Mun, 1664, ch. XIX, p. 186).

Современники У. Петти анализировали промышленные достижения жителей Соединенных провинций гораздо детальнее. Был отмечен расцвет текстильной, кожевенной и других мануфактурных отраслей, обеспечиваемых дальнепривозным сырьем и по морским, и по внутренним, дополненным судоходными каналами, водам.

Баронет У. Темпл, придавая особое значение голландскому владению «подвижным составом океана» (т.е. громадным морским флотом), выделил и ряд, выражаясь современным языком, институциональных факторов, способствовавших тому, что у голландцев «на руках и в кошельках больше серебра, чем медяков во Франции и Испании, хотя первая изобилует природным богатством, а вторая истощает все сокровища Вест-Индии» (Temple, 1705, p. 233–234). Это — веротерпимость, притягательная для множества предприимчивых и искусных в ремеслах и коммерции иммигрантов; и правосудие, гарантировавшее права личности и собственности; и налаженное банковское дело, позволявшее всякому дельцу без опаски переводить свои деньги в любое место.

Все эти, а также многие другие факторы перечислил и У. Петти в «Политической арифметике», начинавшейся с главы, «в которой доказывается, что небольшая страна с малочисленным населением может в силу своего положения, своей торговли и политики быть эквивалентна по богатству и силе стране со значительно большим населением

и территорией и что благоприятные условия для судоходства и водного транспорта содействуют этому самым отменным и решительным образом» (Петти, 1940, с. 157). Не удивительно, что бывалый моряк, навсегда сохранивший впечатления молодости о тысячах кораблей, бросавших якоря в гаванях Амстердама и других портов Нидерландов, начал с превосходства голландского флота над флотами других европейских стран. Однако, применяя прославивший его в веках метод изучения посредством «чисел, весов и мер» (там же, с. 156), Петти пошел намного дальше остальных сторонников доктрины торгового баланса в анализе причин экономического процветания страны, ставшей эталонным ареалом доктрины.

4. Петти о «политической арифметике» голландского успеха: протоанализ национальных конкурентных преимуществ

Э. Мэдисон, воздавший должное У. Петти как выдающемуся «первопроходцу в области макроизмерений», называет «Политическую арифметику» беспорядочным и дезорганизованным произведением (Мэдисон, 2012, с. 394). Однако сам противоречит такой оценке, отмечая затем «отточенную, краткую и чрезвычайно интересную манеру», в которой Петти обсуждает главный вопрос книги – сравнительное исследование экономических результатов Голландии, Франции и Англии, используя для демонстрации превосходства Голландии «целую серию ключевых показателей» (там же, с. 395). Конечно, современным монографическим канонам сочинение «политического арифметика» не удовлетворяет, но анализ Республики Соединенных провинций как экономически образцовой страны достаточно систематичен.

И эта систематичность позволяет сопоставить анализ Петти с признанной и влиятельной современной международной концепцией конкурентоспособности, обоснованной М. Портером. Она обобщена в получившей широкую известность схеме «ромба национальной конкурентоспособности» – четырех сторон-свойств, обеспечивающих предприятиям страны конкурентные преимущества на международных рынках (Портер, 2017, с. 111). Сопоставим стороны «ромба Портера» – детерминанты национальных конкурентных преимуществ – с обобщениями и показателями голландского успеха, приводимыми Петти.

1. *Параметры факторов производства.* Портер, с одной стороны, отмечает важность не столько запаса факторов, сколько скорости, с которой они создаются, совершенствуются и приспособляются к отраслевой структуре (там же, с. 114). С другой стороны, принципиально деление факторов на основные (людские и физические ресурсы) и развитые. Причем среди основных особое значение имеют энергетические ресурсы и расположение (влияющее на транспортные издержки) относительно других стран, являющихся поставщиками

или рынками сбыта, а среди развитых факторов – современная инфраструктура обмена (там же, с. 117).

У. Петти выводил преимущества голландской коммерции прежде всего из могущества морского флота и обилия удобных гаваней, а также из внутреннего речного судоходства, усовершенствованного благодаря каналам. По подсчетам Петти, на голландские корабли приходилась почти половина чистой грузоподъемности торгового флота европейских стран, и ни одно промышленное предприятие Голландии не было отдалено более чем на милю от судоходных вод (Petty, 1899, p. 251, 257). Этим достигалось огромное снижение транспортных издержек, так как перевозка по воде, по подсчетам Петти, в 15–20 раз дешевле сухопутной.

Далее, хотя территория Северных Нидерландов небольшая, вся ее ровная поверхность, во всех частях продуваемая с моря ветрами, пригодна для сооружения ветряных мельниц, что обеспечило великое преимущество в энерговооруженности и механизации. По подсчетам Петти, ветромеханизация повысила производительность голландских промышленных работ примерно в 40 раз (Petty, 1899, p. 256).

Что касается такого развитого фактора, как инфраструктура обмена, то Петти подчеркнул значение Банка Амстердама, хотя и не остановился подробно на его функционировании.

2. *Условия спроса.* Среди них, согласно Портеру, первое место принадлежит сегментной структуре внутреннего рынка, или распределению спроса по разновидностям (Портер, 2017, с. 127). В Голландии времен Петти сегментацию внутреннего рынка стимулировали кораблестроение и морская коммерция: производство специальных сортов судов для каждого вида торговли и плавание в разных широтах и целях. Перечисление разновидностей этих судов заняло у Петти целую страницу (Petty, 1899, p. 257–258). Разделение труда, обеспечивавшее эффект масштаба, развивалось в такелажных работах, производстве лодок, мачт, бочек, сукна, на заготовке рыболовецких сетей, провианта и т.д.

3. *Наличие в стране родственных или поддерживающих отраслей, конкурентоспособных на международном рынке.* Прославленное голландское мореходство выступало как родственная и поддерживающая отрасль для многочисленных нидерландских мануфактур, двояким образом способствуя их специализации и доходности. Во-первых, информированностью об избытках или нехватках того, «что имеется в том или ином месте», возможностями специализации на доставке того, чего никто более не производит, и притом с продажей в разных частях света по произвольным ценам (Petty, 1899, p. 256). Во-вторых, подвозом разнообразного иноземного сырья. Петти отметил, что голландцы извлекают доходы из переработки карибского сахарного тростника, древесины и железа балтийских стран, русской пеньки, английских цветных металлов и шерсти, итальянских шелка-сырца и ртути, турецких красящих веществ и пряжи (ibid, p. 258).

В работах Петти нет терминов «конкуренция» и «национальная конкурентоспособность», и, упоминая о Голландской Ост-Индской компании, он ничего не пишет о ее структуре и вообще о такой (четвертой) стороне ромба Портера, как стратегия и структура фирм. Однако вышесказанное о трех других сторонах ромба позволяет считать описание голландского эталонного ареала в «Политической арифметике» протоанализом национальной конкурентоспособности.

Этот протоанализ зафиксировал не только торгово-транспортные, технологические и структурные преимущества диверсифицированной экономики Соединенных провинций, но и включил характеристику благоприятствовавших экономическому росту нидерландских институтов. О передовой банковской системе уже было сказано. Вслед за баронетом У. Темплом и другими сторонниками доктрины торгового баланса Петти подчеркнул гарантии прав собственности и религиозные свободы, сделавшие Голландию притягательной для многочисленных иммигрантов с высокими ремесленными навыками, значительными капиталами и предпринимательскими способностями. Но особый дополнительный акцент Петти сделал на «всенародном изучении» в Голландии «искусства чисел, весов и мер» (Petty, 1899, p. 261). В этой связи интересно отметить, с одной стороны, что ранний реформаторский проект молодого Петти (1648), навеянный, очевидно, жизнью в Нидерландах, отстаивал идеи всеобщего начального образования и соединения достижений науки с практическими навыками в сфере ремесел (Питулько, 2011, с. 52, 53). С другой стороны, именно в Республике Соединенных провинций были впервые установлены государственные стандарты бухгалтерии, выдвигавшие на первый план проблему учета денежных средств в торговых операциях ради накопления капитала (Львова, 2017, с. 120–121). Инициатором внедрения этих стандартов и систематизатором коммерческой арифметики был выдающийся математик, инженер и военный деятель Нидерландов Симон Стевин.

Массовые навыки в искусстве чисел, весов и мер имели исключительное значение для кругосветной голландской коммерческой экспансии. В заморских сделках приходилось оперировать монетами разного достоинства и степени изношенности, учитывать разную сравнительную ценность благородных металлов в разных странах и порчу монеты. Взвешивание монет для оценки их покупательной силы было неотъемлемой частью экономических операций в XVII в., запечатленной на многих полотнах золотого века нидерландской живописи (выразительный пример – картина «Женщина, держащая весы» современника У. Петти, художника Яна Вермеера Делфтского). В год официального признания габсбургской Испанией независимости Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов (1621 г.) покупательная сила крупного полновесного голландского риксдаальдера (rijksdaalder) относительно главной разменной монеты на Балтике – серебряного гроша – возросла более чем вдвое (1 к 75 вместо 1 к 37)

по сравнению с 1600 г. (Валлерстайн, 2016, с. 63). А Ост-Индия и Китай тогда превратились в «отводной канал» (Бааш, 1949, с. 329) для более мелких голландских серебряных монет — гульденов и разменных штиверов, или стейверов (*stuiver*). Умелое манипулирование «числами, весами и мерами» серебряной наличности обеспечивало голландцам размах их внешней, и особенно транзитной, торговли — от реэкспорта балтийского зерна в южноевропейские страны до привоза китайского чая, фарфора и японских лакированных шкатулок. Отлаженное снабжение купцов полновесной монетой для дальней торговли было первоначальной задачей учрежденного в 1609 г. Банка Амстердама, а извлечение коммерческих выгод из «подвижного состава океана» было институционально закреплено превращением Амстердама в первый в мире постоянно функционирующий фондовый рынок с обращением на Амстердамской бирже акций голландских Ост-Индской и Вест-Индской компаний.

Таким образом, как отметил в своем очерке о Петти Е. Слуцкий, рассуждения доктринеров активного торгового баланса о преимуществах богатства в денежной форме «не являются лишними смыслами» (Слуцкий, 2010, с. 435). Звонкая наличность играла ключевую роль в завоевании рынков, расширившихся до глобального масштаба. И это, наряду с другими, видел и У. Петти, писавший, что изобилие драгоценных металлов, которые не портятся так, как это имеет место с другими товарами, является «богатством для всех времен, всех мест» (Петти, 1940, с. 165).

Но Петти увидел и другое: прогрессивные структурные сдвиги в нидерландском хозяйстве происходили не только в связи с ростом торговли и мануфактурной промышленности, но и в связи с начавшейся в Нидерландах западной агротехнической революцией (Кулишер, 1916, с. 178; Бродель, 1992, с. 176–177; Онищук, 1995, с. 18, 33–34). Она заменила старое феодальное экстенсивное паровое трехполье интенсивными многопольными севооборотами с подсевами к хлебным злакам кормовых культур (турнепса и клевера), что позволило, с одной стороны, повысить урожайность, используя все пространство пашни и благодаря ротации избегать выбалтывания почвы, с другой стороны, обеспечивать кормами увеличивающееся поголовье крупного рогатого скота и улучшение пород.

От внимания У. Петти не ускользнуло, что при уменьшении доли занятых земледелием в голландском хозяйстве само земледелие стало гораздо более разнообразным благодаря посевам кормовых и технических культур — клевера, турнепса, льна, марены (Petty, 1899, p. 251). А от наиболее трудоемких патриархальных занятий — скотовода и хлебопашца — голландцы постарались освободиться и «переложили их на датчан и поляков» (Petty, 1899, p. 267).

Современник Петти и автор книги «Интерес Голландии» (1662) нидерландский купец и консультант-администратор П. де ла Кур (1618–

1685) гордился умением своей нации добывать продовольствие «из моря, которое является общим для всех» (цит. по: (Weststeijn, 2012, p. 229)). Историки-экономисты XX в. выяснили, что в стране с незначительной «землей, плавающей на воде» (Бродель, 1992, с. 175), сложилась уникальная структура первичного сектора экономики, интегрированного с мореплаванием и дальней торговлей. Северные Нидерланды опередили всю остальную Европу не только в развитии рыболовства (благодаря внедрению засола сельдей прямо на борту кораблей), но также и в апробации интенсивного плодосменного земледелия и молочного животноводства (благодаря обильно увлажненным лугам и тому же плодосмену). Лидерство в севооборотах и селекционном животноводстве в сочетании с заморским импортом зерна и молодняка крупного рогатого скота обусловило «голландский сельскохозяйственный век» (Romano, 1962, p. 519) и позволило Нидерландам стать первой страной, решившей проблему продовольственной безопасности. И одновременно – первой страной в Европе и в мире, в которой первичный сектор хозяйственной деятельности был обойден вторичным и третичным секторами (Шоноу, 2005, с. 310–311).

И это увидел У. Петти, подметивший и диверсификацию передового сельского хозяйства, и диверсификацию приносящей большой доход промышленной деятельности в условиях, когда доля сельского хозяйства в экономике начинает идти на убыль.

5. Меркантилизм в мир-системной ретроспективе: гегемон — эталонный ареал

Мир-системная парадигма и, соответственно, концепция голландской – первой в истории – мир-системной гегемонии и мир-системная ретроспектива меркантилизма стали результатом начатой в период Великой депрессии XX в. интенсивной разработки проблематики долговременной структурной и конъюнктурной динамики капитализма. Французский политэконом-историк Ф. Симиан (1872–1935) первым выделил цикл большой длительности, переходный от Средневековья к Новому времени, с восходящей (А: 1450–1600 гг.) и депрессивной (В: 1600–1750 гг.) фазами (Simiand, 1932; Валлерстайн, 2016, с. 10). Его соотечественник Ф. Бродель (1902–1985), опиравшийся на французские традиции антропогеографии, обосновал трехуровневую структуру как исторического времени в хозяйстве (с «промежуточным» уровнем конъюнктурных 50–100-летних ритмов динамики народонаселения, цен, технологий), так и больших зон экономических взаимодействий, сложившихся в ходе развития материальной цивилизации и рынков на обширных географических пространствах в определенные органические единства, которые Бродель назвал мир-экономиками.

Под влиянием Ф. Броделя в изучении экономической истории Европы закрепилось введенное марксистской традицией понятие «вто-

рое издание крепостничества», характеризующее резкое зональное разделение в ходе аграрной эволюции европейских стран (Бродель, 1988, с. 259; Фриз, 1998, с. 75–79). Лишь в северо-западной зоне (кольцо вокруг Северного моря – Голландия, Англия и север Франции) на основе монетизации (коммутации) феодальной ренты более или менее успешно развивалось в XVII в. капиталистическое предпринимательство. Отдельные страны (Швеция и Швейцария) занимали промежуточное положение между динамичным северо-западом и большей частью континента, охваченной сеньориальной реакцией в сочетании с упадком средиземноморской левантйской и балтийской ганзейской торговли. Причем в странах к востоку от Эльбы (от Дании до Австрии, но особенно резко в Польше и Пруссии) происходило попятное движение ренты к отработочной форме в более гнетущих размерах (многодневная полевая барщина), чем где-либо при средневековом феодализме. Ост-эльбское «вторичное закрепощение крестьянства» отразило неравенство между центром (ядром) и периферией в сформировавшейся структуре международного разделения труда и «игр обмена» (Бродель, 1993, с. 97–98).

Развитием броделевской центропериферической концепции стал мир-системный подход И. Валлерстайна, отождествивший западноевропейскую мир-экономику с саморасширяющейся западо-центричной, современной капиталистической мир-системой (world-system). Предложив новое видение всеобщего кризиса XVII в., Валлерстайн отверг линейное понимание «прогресса в смысле следования друг за другом ряда так называемых способов производства» и трактовку кризиса XVII в. как «рефеодализации» (Валлерстайн, 2015, с. xx, xxviii). Вместо этого он предложил объяснение генезиса капиталистической мир-системы как результата следующих обстоятельств: структурные сдвиги в сельском хозяйстве стран вокруг Северного моря; «революция цен» (вследствие трансатлантического прилива благородных металлов в Европу); борьба северо-западных государств с католической империей («мир-империей») испанских и австрийских Габсбургов. В этой борьбе сложились иерархические структуры капиталистической мир-системы и началось ее расширение до глобальной исторической системы на А-фазе длительного конъюнктурного подъема (Валлерстайн, 2016, с. xi). Анализу этих процессов Валлерстайн посвятил первый том своего фундаментального труда «Современная мир-система» – «Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке» (1974).

Второй том – «Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики. 1600–1750» (1980), где центральное место занимает характеристика голландской мир-системной гегемонии и новая интерпретация практик меркантилизма, – посвящен В-фазе длительного сжатия конъюнктуры, которое и привело к кризису XVII в. На этой фазе происходило упрочение иерархических структур – усугу-

бление неравенства между центром, ядром (core) и периферией в международном осевом разделении труда (Валлерстайн, 2016, с. xii). Хотя связность капиталистической мир-системы обеспечивается относительно автономными и расширяющимися цепочками рыночных обменов, эти обмены не являются взаимовыгодными. Западоцентричный капитализм возник и воспроизводится как иерархия мир-системных уровней, определенная неравными структурными позициями центра, полупериферии (зоны второстепенных относительно развитых областей) и периферии.

Расхождение между ядром и другими уровнями мир-системы началось вследствие ряда демографических и институциональных различий, создавших в нидерландско-английском (и отчасти французском) северо-западе тенденцию к расширению сферы подешевевшего наемного труда и разнообразию сельскохозяйственных и мануфактурных производств. Тенденции в полупериферийных и периферийных регионах были иными: в юго-западных (итальянских и пиренейских) государствах – распространение испольщины, в заморских колониях – плантационное рабовладельческое хозяйство, в европейских странах к востоку от Эльбы – «вторичное» (барщинно-фольварочное) закрепощение крестьян, усугубляемое монокультурной (зерновой) экспортной специализацией. Причем и колониальное рабовладение, и «вторичное закрепощение» были не «рефеодализацией» и «пережитками докапиталистических формаций», а стали доходными формами эксплуатации периферийного труда, диктуемыми логикой расширявшейся капиталистической мир-системы (Валлерстайн, 2015, с. 101–122).

Достигнутая Голландией внутри ядра мир-системы гегемония была воплощением превосходства в относительной эффективности всех секторов экономики, а не только внешней торговли, как это казалось наиболее прямолинейным доктринерам торгового баланса. «Зримое превосходство в эффективности аграрно-индустриального производства ведет к преобладанию в сфере коммерческого распределения в мировой торговле, наряду с одновременным накоплением доходов от статуса перевалочного пункта для большей части мировой торговли и от контроля над “невидимыми” сферами транспорта, коммуникаций и страхования. В свою очередь, коммерческое первенство ведет к контролю над финансовыми секторами» (Валлерстайн, 2016, с. 45).

Голландскую гегемонию И. Валлерстайн отсчитывает с 1620-х годов (как раз тогда счел уместным подражать практике именно голландцев доктринер торгового баланса Т. Ман) и до 1672 г., когда Англия и Франция сообща нанесли военные удары по Республике Соединенных провинций, чтобы подавить ее экономические преимущества силой. И между державами-агрессорами развернулось длительное соперничество за новую гегемонию в капиталистической мир-системе (Валлерстайн, 2016, с. 187–352).

Рамки голландской мир-системной гегемонии (по датировке И. Валлерстайна) целиком укладываются в годы жизни У. Петти, описание которым Голландии как «эталонного ареала» доктрины торгового баланса И. Валлерстайн не принял во внимание.

Однако, как было показано в предыдущих разделах, Петти можно смело назвать не только очевидцем голландской гегемонии, но и ее достаточно глубоким аналитиком. Он оценил и преимущества Голландии в диверсификации сельскохозяйственных посевов и мануфактурных отраслей, и то, что Валлерстайн назвал «поражительной связкой судостроения с индустриально-коммерческим комплексом» (Валлерстайн, 2016, с. 51), и превосходство в банковском деле и институтах.

Разглядел Петти и, пожалуй, главное – выгодные позиции гегемона в структуре осевого международного разделения труда, позволявшие экспортировать товары с высокой добавленной стоимостью, закрепляя за периферией (Дания, Польша¹ и прочие страны «вторичного закрепощения») одностороннюю специализацию – поставки зерна, молодого скота и других габаритных товаров с низкой добавленной стоимостью. И относительное умаление благодаря тем же структурным выгодам доли первичного сектора экономики, высвобождавшее ресурсы для развития вторичного и третичного секторов, новых изощренных ремесел (*curious arts*) и торговли (Petty, 1899, p. 267).

Мир-системная ретроспектива доктрины торгового баланса и экономического дискурса У. Петти будет неполной без упоминания о модификации мир-системного анализа, обоснованной соратником Валлерстайна Дж. Арриги. Арриги реинтерпретировал «три гегемонии исторического капитализма», начиная с голландской, как три глобальных системных цикла накопления с фазами подъема и спада в ходе соперничества территориальных государств («территориализма») за трансграничные потоки денежного капитала (Арриги, 2007, с. 68). Но этим трем циклам, по мнению Арриги, предшествовал «генуэзско-иберийский цикл накопления», порожденный симбиозом североитальянского космополитического банковского капитала с испанским имперским территориализмом. На голландском же цикле накопления правительство небольшого территориального государства более или менее соединилось с предпринимательским слоем своей страны для обращения в ее пользу межстрановой борьбы за доступ к потокам капитала. Но территориализм конкурирующих держав отреагировал на капиталистические успехи голландцев агрессивностью политики меркантилизма. Становящемуся капитализму приходилось выживать в конкуренции с территориальной властью государств, в свою очередь, стремившихся ухватиться за капитал, витающий в поисках наиболее выгодного применения в космополитическом пространстве финансовых потоков (Дерлугьян, Харрис, 2006, с. 27).

¹ «Поляки и весь народ славянский, – сетовал современник Петти панславист Юрий Крижанич, – совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху», вследствие чего «немцы» «вывозят всю пшеницу» из Польши (Крижанич, 1997, с. 198). Под «немцами» (так Крижанич называл всех протестантов) в данном случае имелись в виду, конечно, голландцы.

Арриги акцентировал внимание на таком интересном аспекте голландской гегемонии, как лидерство в производстве и крупномасштабном потреблении культурной продукции (книги, картины, часы, подзорные трубы и т.д.) (Арриги, 2006, с. 191). Аспект весьма существенный для эталонного ареала. В этой связи примечательно упоминание У. Петти (Petty, 1899, р. 267) о новых необычных и ранее не существовавших изощренных ремеслах – «curious Arts» (термин, для которого в русском издании трудов Петти (Петти, 1940, с. 171) не нашлось адекватного перевода). На новые изощренные ремесла в Нидерландах позднее обратил особое внимание вдохновлявшийся голландским эталонным ареалом самодержец-меркантилист Петр I. Он повелел в Регламенте Мануфактур-коллегии «куриозные искусства в Империю Российскую вводить» (Полное собрание законов..., 1830, п. 6).

6. Мир-системный прогноз Петти: конкурентные преимущества нового гегемона

Еще раз не вполне согласимся с Э. Мэдисоном – теперь с первой половиной его утверждения, что Петти – «один из ярчайших примеров космополитизма и прометеевского стремления к знаниям» (Мэдисон, 2012, с. 395). Ведь и сам Мэдисон тут же отмечает, что «Политическая арифметика» не была опубликована при жизни автора из-за ее резкой антифранцузской направленности, не соответствовавшей профранцузской позиции тогдашнего английского короля.

А. Ронкалья, современный биограф У. Петти, оставляет за ним место основателя политической экономии как исследователя национального государства, объединяющего экономическую и политическую системы (Ронкалья, 2018, с. 86). Петти, опубликовавшего при жизни лишь «Трактат о налогах и сборах», как и других приверженцев доктрины торгового баланса, сильно волновали фискальные проблемы. Которые не занимают почти никакого места (Ронкалья, 2018, с. 128) в трактате истинного теоретического выразителя капиталистического космополитизма (Святловский, 1910, с. 178) – международного банкира Кантильона, сорвавшего миллионный куш во время финансовой пирамиды Джона Ло в Париже и быстро ретировавшегося за Ла-Манш с состоянием, позволившем ему купить особняки в семи городах Европы и написать дедуктивно выстроенные очерки о внутреннем денежном обращении, курсах валют и международной торговле.

Петти же, несмотря на все восхищение Голландией, очевидно, был выразителем британского государственного территориализма, удовлетворенным быстрым приростом и королевского флота, и колониальных приобретений Англии с середины XVII в., и «прибавлениями негров» на американских плантациях (Petty, 1899, р. 302–303). «Политический арифметик» был убежден, что Англия превзойдет флотской мощью Нидерланды, а ее соперница Франция «не может

быть более сильной на море, чем англичане или голландцы являются сейчас или могут быть когда-либо» (Petty, 1899, p. 278).

Биограф Петти У. Страусс не без оснований назвал Петти одним из первых футурологов, который стремился заглядывать в будущее на основе не утопических фантазий, а экстраполяции определенных тенденций общественного развития (Strauss, 1954, p. 225). Предсказание о неизбежном торжестве Англии над Францией на море можно считать не просто удачным футурологическим прогнозом, но проявлением своего рода «мир-системной интуиции» Петти, отличавшей мыслителя-статистика от доктринеров-соотечественников, оценивавших британские перспективы скептически (Ингрэм, 1897, с. 72).

Прогноз Петти начал сбываться сразу после его смерти. В 1692 г., через 20 лет после того как французское содействие помогло Англии нанести решающий удар по величайшему сопернику на море – Голландии (Mahan, 1890, p. 73), совместный англо-голландский разгром французского флота стал поворотным моментом в борьбе внутри ядра мир-системы. Пока медленно и бесполезно рос в центре Франции самый большой в Европе дубовый лес, специально заложенный современником Петти Кольбером в видах обеспечения мачт для французского флота (Ошибка футуролога, 2018, с. 13), Великобритания стала ведущей океанической и колониальной державой мира. Она сменила Соединенные провинции Северных Нидерландов на позиции мир-системного гегемона, извлекающего главные выгоды из глобального ресурса – общего для всех – морей.

Весомым преимуществом Англии в борьбе за гегемонию было преуспевание Лондона как внушительной портовой столицы, рано стянувшей нити национального рынка, в том числе благодаря морским каботажным путям, и обеспечившей провинциям посредничество для обмена и экспорта их продукции (Бродель, 1993, с. 105, 107). Французские негоцианты указывали на отставание их страны в коммерции как следствие невыгодного сравнительно с Лондоном (и Амстердамом) местоположения Парижа, не доступного для кораблей, «кои приходят со всех сторон, груженные всеми богатствами мира». А известный Джон Ло декларировал, что преодолеть накладываемые удаленностью от моря пределы в качестве экономической метрополии Париж сможет, если станет «первейшим в мире вексельным рынком» (цит. по (Бродель, 1992, с. 341)). Английский посол в Париже граф Сейр передавал в Лондон слова Ло, что «он может, когда ему вздумается, разорить торговлю и уничтожить кредит Англии и Голландии и нашу Ост-Индскую компанию» (цит. по (Черняк, 2003, с. 504)). Однако «система» самонадеянного «вексельного» меркантилиста-авантюриста рухнула, обвалив французские финансы и добавив предпосылки для реализации прогноза У. Петти.

Мир-системная интуиция подсказала Петти, что у его страны достаточно шансов, для того чтобы приводить в движение торговлю

всего коммерческого мира (Petty, 1899, p. 312). Разгромом французского флота в 1692 г. начался век «гигантского состязания между Англией и Францией», получившего неофициальное название Второй Столетней войны (Сили, Крэмб, 2004, с. 35, 145). Точно спрогнозированный Петти долгосрочный британский перевес на море окончательно утвердился и завершился триумфом Англии в 1815 г. (Бродель, 1993, с. 109), после чего наступила кульминация ее могущества как мир-системного гегемона.

Однако английская океанически-коммерческая гегемония в мир-системе была закреплена еще и первенством в промышленной революции. И Петти разглядел некоторые вызревавшие в английской экономике длительные тенденции, превратившиеся спустя век в направления прорыва в индустриальную цивилизацию.

Лидерство стран мир-системного ядра проявлялось не только в экономике, но и в культуре – в искусствах «и, что более важно, – в структурах знания» (Валлерстайн, 2016, с. xxvii). Концентрация преимуществ в накоплении капиталов и научно-технических знаний способствовало опережающему развитию не только навигационных и военных технологий, но и инновационного производства для широкого потребления (то, что Петти называл «*curious arts*»). Во время генезиса капиталистической мир-системы самой инновационной отраслью из производящих потребительские промышленные товары была часовая. Лондонское Королевское общество с момента основания предпринимало усилия для усовершенствования часовых механизмов, – его механики даже оспаривали у великого голландца Х. Гюйгенса (сына председателя Госсовета Республики Соединенных провинций) приоритет в изобретении маятника (Пипуныров, 1982, с. 205), которое не только было взято на вооружение английскими навигаторами, но и подвело основу под превращение карманных часов в предмет широкого потребления.

Петти, один из основателей и деятельных членов Лондонского королевского общества, в «Дополнениях к политической арифметике» первым из экономистов осветил общественное значение разделения труда как производительной силы (Маркс, 1960, с. 354). А в качестве примера мануфактурного разделения труда Петти взял именно самую инновационную отрасль – фабрикацию карманных часов (Петти, 1940, с. 231). Ее центром в Англии к XVIII в. стало графство Ланкашир (Аллен, 2014, с. 297–298), которое затем превратилось в «почти синоним» (Cameron, 1997, p. 184) хлопчатобумажной промышленности – отрасли, с преобразования (механизации) которой собственно и начался промышленный переворот.

Связь между английским часостроением и революционизированием прядения и ткачества хлопка показана в недавних исследованиях Р. Аллена. Спрос на ланкаширские часы стимулировал умножение числа искусных механиков (пусть даже и самоучек), из

которых и вышли первые конструкторы и наладчики текстильных машин. Кроме того, сами машины не могли обходиться без компонентов, которые могло дать только часовое производство (Аллен, 2014, с. 389). А далее вступили в силу английские мир-системные преимущества наличия массового дальнепривозного периферийного сырья и торгово-транспортного обеспечения массового сбыта. Хлопок, завозимый с заокеанской периферии в близкий к Ланкаширу порт Ливерпуль, оказался из всех текстильных волокон наиболее удобным для механической обработки.

Аллен, выясняя, что изобретение и внедрение английских машин было бы невозможно без английского часостроения, подчеркнул: английская часовая промышленность была побочным продуктом научной революции (Аллен, 2014, с. 295). Здесь он повторил выводы российского политэконома-историка начала XX в. И.М. Кулишера, выявившего косвенную, но исключительно важную связь: все новаторы-текстильщики владели навыками часового дела, а оно к началу XVIII в. превратилось в «производство точных приборов, основанных на выводах науки и служащих ей» (Кулишер, 1908, с. 32–33).

Заметим, что прогресс английского часостроения способствовал и дальнейшему прогрессу в океанической навигации, сделавшему Британию страной с глобальным внешним рынком. Владычице морей весьма помогли хронометры, необходимые для определения географической долготы в открытом океане (Пипуныров, 1982, с. 296–330).

Другим, наряду с механизацией текстильной промышленности, ключевым нововведением промышленного переворота (и долгосрочным фактором закрепления английской гегемонии) стало массовое внедрение каменноугольного топлива, резко удешевившее энергозатраты и обеспечившее крупную промышленность универсальным (паровым) двигателем и массовым металлическим конструкционным материалом. Во времена Петти появилась поговорка «Ньюкасл – это твое Перу». Она обрела новый смысл с изобретением паровых машин и выплавки чугуна на коксующихся углях. Этого Петти не предвосхищал, но все же он прямо писал о растущем значении для Лондона каменного угля, доставляемого каботажным плаванием из Ньюкасла (Петти, 1940, с. 198).

Революция текстиля и минерального топлива завершила создание «самоуплотняющегося» национального рынка (Бродель, 1992, с. 378). Это позволило английской экономике добиться гораздо большего промышленно-торгового преобладания, чем ранее голландское, и «отождествиться с доминирующей ролью в Европе и мире» (Бродель, 1993, с. 109). Можно сказать, промышленно-торговая гегемония Британии была «вымощена» ее «угольным поясом», который, вместе с аналогами в континентальной Европе и Северной Америке, обусловил мировое превосходство промышленного Запада и «Великую дивергенцию» (Feargrieve, 1917, p. 307–311; Померанц, 2017, с. 14).

7. Смена эталонных ареалов в политической экономии

Эталонный ареал входит в преданалитическое «видение группы явлений» в экономических исследованиях, о котором писал Й. Шумпетер (Schumpeter, 1954, p. 39, 40). Влияние эталонного ареала проявляется по-разному, — оно может быть большим или меньшим, более или менее очевидным. В случаях доктрины торгового баланса (иногда отождествляемой со зрелым меркантилизмом) или классической английской политической экономии, отбросившей доктрину торгового баланса как ложную и вредную, эталонные ареалы очевидны — Голландия (Республика Соединенных провинций Северных Нидерландов) и Великобритания (Соединенное Королевство). Причем в обоих случаях, проясняемых мир-системной ретроспективой, эталонные ареалы — это державы-гегемоны, соответственно — первая (1620–1672-е годы) и вторая (начало в XVIII в., кульминация в 1815–1873 гг.) в истории капиталистической мир-системы (Валлерстайн, 2001, с. 98).

Менее очевиден эталонный ареал школы физиократов («земледельческой системы»), после А. Смита традиционно занимающей в истории экономических учений промежуточное место между меркантилизмом и классической школой. Но этот ареал можно обнаружить в статьях Ф. Кенэ для знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. Глава школы физиократов противопоставлял «большую культуру» интенсивного земледелия Англии и севера Франции «мелкой культуре» земледелия остальной части Франции (Кенэ, 1961, с. 70, 72). Английской «большой культурой» земледелия было распространение в крупных хозяйствах лендлордов и фермеров-арендаторов многопольного плодосменного севооборота, существенно повышавшего урожайность зерновых и качество откорма скота. При наличии возможности выгодно сбывать зерно по вольным ценам, в том числе за границу, что во Франции было исключено политикой низких таксированных цен на зерно и запретом его вывоза ради искусственного поощрения мануфактур и торговли их продукцией.

А. Смит заимствовал у физиократов негативное отношение к Кольберу (Смит, 2007, с. 625) как к деятелю, воспринявшему все меркантилистские предрассудки, чья политика привела к деградации французского сельского хозяйства «по недостатку фермеров» (Кенэ, 1961, с. 37).

Именно в лицо Кольберу было впервые сказано «laissez faire», позднее популяризованное физиократами (Струве, 1896, с. 594) в их критике доктрины торгового баланса и ущемления сельского хозяйства в угоду королевским мануфактуристам. Но ничего подобного такой политике не было в Англии, где лендлорды и верхние слои земельных арендаторов, напротив, получали от короны премии за вывоз зерна, что стало мощным стимулом для укрупнения ферм и расширения посевов с внедрением плодосмена, который давал эффект именно (и только) на крупных площадях!

А. Смит порицал вывозные хлебные премии в ряду других меркантилистских мер (Смит, 2007, с. 194–197), но эти премии поспособствовали агротехническому преобразованию страны и превращению ее (хотя на ограниченный исторический срок) в лидера европейского зернового экспорта и образец фермерства для всей Европы (Манту, 1937, с. 124–126, 137).

Когда У. Петти отмечал в своем анализе преимуществ Голландии диверсификацию сельского хозяйства, он фиксировал именно эффекты внедрения многопольного плодосмена. Апробированный на северо-востоке Англии, в графстве Норфолк, иммигрантами-голландцами в XVII в. плодосмен под названием «норфолкского севооборота» (пшеница, ячмень, турнепс, клевер) дал еще большие эффекты, распространившись в Англии. Он подвел агротехническую основу под становящуюся британскую гегемонию (Валлерстайн, 2001, с. 50).

Символично, что ровно столетие разделяет как даты рождений Петти и Смита (1623–1723), так и годы создания их главных трудов (1676–1776). Век между «Политической арифметикой» и «Богатством народов» — это век Просвещения, экономическая мысль которого, развивая философию «естественного порядка», отходила от меркантилистского понимания внешней торговли как своего рода войны. То, что Э. Хекшер назвал «универсальным динамическим идеалом» эпохи *laissez-faire*, было отходом от меркантилистских динамических целей для своих национальных государств, исходящих из представлений о международной торговле как об игре с нулевой суммой, по известному определению Дж. Локка (Кенэ, 1961, с. 63).

«Система естественной свободы» А. Смита и принцип сравнительных преимуществ Д. Рикардо стали обоснованием идеи международной конкуренции как игры с положительной суммой. Но, с одной стороны, как отметил Ф. Бродель, эта идея игнорировала реально сложившиеся структуры неравенства в международном разделении труда и мировой торговле и приводила к «абсурдным утверждениям про взаимообмен обоюдных и эквивалентных прибылей» (Бродель, 1992, с. 598). С другой стороны, было перечеркнуто и то положительное, что присутствовало в дискурсах меркантилистов, особенно у наиболее выдающегося из них — Петти — с его протоанализом национальных конкурентных преимуществ.

У самого же А. Смита не только нет упоминаний о Петти, но нет и понимания структурных сдвигов в экономике, вызванных промышленной революцией (Blaug, 1990, p. 36).

Тем не менее можно сопоставить протоанализ Петти национальной конкурентоспособности на примере Голландии с некоторыми существенными концептуальными обобщениями А. Смита. Более всего общего с Петти у Смита в поражающей современных историков настойчивости, с которой проводится мысль о снижении издержек за счет развития средств сообщения (Blaug, 1990, p. 38). Не только достижения

в кораблестроении и дальней навигации, но и улучшения внутреннего судоходства вследствие всплеска предпринимательства в области сооружения каналов (Манту, 1937, с. 93–100) стали транспортными факторами инновационного роста английской промышленности, потеснившей конкурентов в том числе и на рынках других стран мир-системного ядра.

Но ни Смит, ни тем более живший веком ранее Петти не смогли предвидеть роли, которую сыграет внедрение паровых машин для ставшего решающим преимущества промышленной Англии в комплексе родственных или поддерживающих отраслей, конкурентоспособных на международных рынках. Смит недооценил роль основного капитала (Blaug, 1990, p. 36) и не заметил формировавшейся цепочки взаимного стимулирования «машиностроение – угледобыча – черная металлургия», в которую были включены также отрасли текстильной промышленности, керамическое производство и т.д.

Но зато последствия роста этой цепочки взаимного стимулирования для конкурентных преимуществ Великобритании были очевидны для последователей Смита, особенно для идеологов фритредерства («манчестерской школы»). Одним из тех, кто наиболее рельефно отобразил торгово-промышленный английский эталонный ареал классической политэкономии как «либеральной ортодоксии», был Ж.А. Бланки – автор первой общеевропейской истории политической экономии и первый, кто употребил понятие «промышленная революция» (Blanqui, 1837, p. 209). По словам Бланки, Великобритания опередила весь остальной мир в производительности, капитале, конкуренции и кредите благодаря сочетанию минеральных богатств (каменного угля и железных руд) и превосходных портов со свободой предпринимательства (ibid., p. 354–355).

В год (1860), когда англо-французский договор о свободе торговле ознаменовал начало общеевропейской «эры фритредерства» (Cameron, 1997, p. 298–300), Бланки добавил в 4-е издание своей книги примечание о «великой торговой революции», подразумевая ликвидацию всех стеснений в коммерческой деятельности, так или иначе отождествляемых с меркантилистским наследием (Blanqui, 1860, p. 32). Отображая великобританский эталонный ареал либеральной ортодоксии, французский политэконом не смог оценить по достоинству прогноза У. Петти о будущем лидерстве Англии – ведь автор «Политической арифметики» выступал с позиций доктрины торгового баланса, а не *laissez faire*. Петти в книге Бланки упомянут лишь дважды – мимоходом в связи с подсчетами размеров голландского флота в XVII в. и в библиографии, где Петти аттестован всего лишь как «робкий» (!) защитник свободы торговли (Blanqui, 1860, p. 29, 375).

Шумпетер отмечал, что более почетное место, чем либеральная ортодоксия, Петти отвели марксизм и историческая школа (Schumpeter, 1954, p. 203). То есть, по современной классификации экономических

учений, представители гетеродоксальных направлений. По-видимому, это неслучайно. Сам К. Маркс предварил «Капитал» знаменитым обобщением, что Англия, как страна, промышленно наиболее развитая, показывает остальным картину их собственного будущего. Но впоследствии европейский марксизм как социал-демократическая доктрина, наряду с исторической школой и институционализмом, отображал уже иные эталонные ареалы. Англия стала утрачивать мир-системное лидерство, а опередившие ее в промышленном развитии Германия и Соединенные Штаты Америки выступили как новые претенденты на гегемонию. И стали новыми эталонными ареалами (с картельным протекционизмом, социальным законодательством, крупнокорпоративным менеджментом, финансовым капиталом и т.д.), отличными от мира свободной капиталистической конкуренции. Кроме того, в то время за счет подсоединения к ядру капиталистической мир-системы европейских стран поздней индустриализации возникли и малые эталонные ареалы. Например, для кооперативной экономической мысли таким ареалом стала «маленькая сладкая» Дания, сформировавшая эффективный агропромышленный комплекс с помощью потребительской и производительной кооперации (Каратыгин, 1909; Чайанов, 1989, с. 435).

Особую сложность представляет вопрос, можно ли говорить об эталонном ареале (или эталонных ареалах) маржинализма как парадигмы экономического мышления XX в. Разумеется, совершенствование инструментария экономической теории делало ее все более эзотеричной, и прогресс техники экономического анализа уменьшал значимость каких-то конкретных эталонных ареалов и преданалитических актов познания в целом. Но все же очевидна связь «маржиналистской революции» с биржевым ценообразованием, а биржи, как раз в последней трети XIX в., стали преобладающей формой западной торговли, преодолевшей форму ярмарок (Лангенбек, 1927, с. 110). Таким же, как видение излюбленной Голландии для дискурса У. Петти, отправным пунктом для дискурса «классика неоклассики» А. Маршалла было видение «всего западного мира» как в известном смысле «единого рынка для многих видов ценных бумаг, для наиболее ценных металлов и в меньшей степени для шерсти, хлопка и даже пшеницы; при этом необходимо принять в расчет транспортные издержки» (Маршалл, 1993, с. 7).

Окончательное же формирование стандартов неоклассической экономической теории с делением ее на микро- и макроэкономику, моделированием принципа сравнительных преимуществ и т.д. явно приходится на годы третьей гегемонии в капиталистической мир-системе – североамериканской, ставшей результатом тяжелейших общемировых потрясений первой половины XX в. (Валлерстайн, 2001, с. 98–101). И, наконец, ведущиеся с конца XX в. дебаты о кризисе современной экономической теории (в том числе ее чрезмерной эзотерич-

ности и отрыве от реальности) так или иначе отражают широко обсуждаемый кризис североамериканской мир-системной гегемонии.

8. Заключение

Как было показано в статье, яркая и проницательная характеристика нидерландского эталонного ареала в доктрине торгового баланса позволила У. Петти осуществить на примере Голландии протоанализ национальных конкурентных преимуществ и уловить экономические последствия центропериферической динамики капиталистической мир-системы. «Политическая арифметика» У. Петти может служить отправным пунктом для новых исследований того, как опыт стран-гегемонов мир-системы и стран-претендентов на гегемонию влиял на экономические школы и экономическую политику, в том числе — на теорию и практику догоняющего развития. Плодотворным может быть также изучение влияния меняющихся эталонных ареалов на экономистов разных стран (разных по структурным позициям в мир-системе), выявление в экономических учениях прошлого элементов теории конкурентных преимуществ наций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аллен Р.** (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара. [Allen R. (2014). *The British industrial revolution in global perspective*. Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian). Originally published: Allen R. (2009). *The British industrial revolution in global perspective*. Cambridge: Press Syndicate of the University of Cambridge.]
- Аникин А.В., Аникин В.А.** (1986). Уильям Петти. М.: Экономика. [Anikin A.V., Anikin V.A. (1986). *William Petty*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- Арриги Дж.** (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: ИД «Территория будущего». [Arrighi J. (2006). *The long twentieth century: Money, power, and the origins of our times*. Moscow: Territoriya buduschego (in Russian). Originally published: Arrighi J. (1994). *The long twentieth century: Money, power, and the origins of our times*. London: Verso.]
- Бааш Э.** (1949). История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках. М.: Издательство иностранной литературы. [Baasch E. (1949). *A history of Dutch economic development in XVI–XVIII centuries*. Moscow: Foreign Languages Publishing House (in Russian). Originally published: Baasch E. (1927). *Holländische Wirtschaftsgeschichte*. Jena: RuMoRGB.]
- Блауг М.** (2005). Сто великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономическая школа. [Blaug M. (2005). *One hundred great economists before Keynes*. Translated from the English. Saint Petersburg: Ekonomicheskaja shkola (in Russian). Originally published: Blaug M. (1986). *Great economists before Keynes: A introduction to the lives and works of 100 economists of the past*. Brighton: Wheatsheaf.]
- Брикнер А.Г.** (1876). Иван Посошков. Ч. 1. Посошков как экономист. СПб.: Тип. Академии наук. [Brikner A.G. (1876). *Ivan Posohkov. Part 1. Posohkov as economist*. Saint Petersburg: Academy of Science Press (in Russian).]

- Бродель Ф.** (1988). Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 2. «Игры обмена». М.: Прогресс. [**Braudel F.** (1988). *Material civilization, economy and capitalism*. Vol. 2. “The Wheels of Commerce”. Translated from French. Moscow: Progress (in Russian). Originally published: Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle*. Vol. 2: *Les jeux de l'échange* Paris: Armand Colin.]
- Бродель Ф.** (1992). Материальная цивилизация, экономика и капитализм Т. 3. Время мира. М.: Прогресс. [**Braudel F.** (1992). *Material civilization, economy and capitalism*. Vol. 3. “The Perspective of the World”. Translated from French. Moscow: Progress (in Russian). Originally published: Braudel F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle*. Vol. 3: *Le temps du monde*. Paris: Armand Colin.]
- Бродель Ф.** (1993). Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма. [**Braudel F.** (1993). *Dynamics of capitalism*. Translated from French.. Smolensk: Poligramma (in Russian). Originally published: Braudel F. (1985). *La dynamique du capitalisme*. Paris: Flammarion.]
- Валлерстайн И.** (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга. [**Wallerstein I.** (2001). *World-systems analysis and a situation in modern world*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).]
- Валлерстайн И.** (2015). Мир-система Модерна. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. [**Wallerstein I.** (2015). *The modern world-system*. Vol. I: *Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo (in Russian). Originally published: Wallerstein I. (2011). *The modern world-system*. Vol. I. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.]
- Валлерстайн И.** (2016). Мир-система Модерна. Т. II. Меркантилизм и европейская консолидация европейского мира-экономики (1600–1750). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. [**Wallerstein I.** (2016). *The modern world-system*. Vol. II: *Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. Moscow: Universitet Dmitrija Pozharskogo (in Russian). Originally published: Wallerstein I. (2011). *The modern world-system*. Vol. II. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.]
- Вернадский И.В.** (1858). Проспект политической экономии. Отдел I. СПб.: Тип. П.А. Кулиша. [**Vernadskii I.V.** (1858). *A scetch of political economy*. Saint Petersburg: Tipografija P.A. Kulisha (in Russian).]
- Дерлугьян Г., Харрис К.** (2006). Эволюция командных высот капитализма: Венеция – Амстердам – Лондон – Нью-Йорк. В кн.: Арриги Дж. «Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени». Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: ИД «Территория будущего». [**Derlu-guian G., Harris K.** (2006). *The evolution of the commanding heights of capitalism: Venice – Amsterdam – London – New York*. In: **Arrighi J.** (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. Moscow: Publ. House «Territoriya buduschego» (in Russian).]

- Жид Ш., Рист Ш.** (1918). История экономических учений. М.: Свобода. [**Gide Ch., Rist Ch.** (1918). *A history of economic doctrines*. Translated from French. Moscow: Svoboda (in Russian). Originally published: Gide Ch., Rist Ch. (1913). *Histoire des doctrines économiques depuis les Physiocrates jusqu'à nos jours*. 2ème éd. Paris: Sirey.]
- Инграм Дж.К.** (1897). История политической экономии. М.: К.Т. Солдатенков. [**Inghram J.K.** (1897). *A history of political economy*. Moscow: K.T. Soldatenkov (in Russian). Originally published: Inghram J.K. (1888). *A history of political economy*. Edinburgh: Adam & Charles Black.]
- Каратыгин Е.С.** (1909). В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. СПб.: Министерство финансов. [**Karatygin E.S.** (1909). *In the country of peasant associations. Essay on the development of comradeship in agriculture in Denmark*. Saint Petersburg: Ministry of Finance (in Russian).]
- Кейнс Дж.М.** (2007). Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. Серия «Антология экономической классики». М.: ЭКСМО. [**Keynes J.M.** (2007). *The general theory of employment, interest and money*. Moscow: EKSMO (in Russian).]
- Кенэ Ф.** (1961). Избранные экономические произведения. М.: Соцэкгиз. [**Quesnay F.** (1961). *Selected economic works*. Translated from French. Moscow: Sotsekiz (in Russian).]
- Конради А.** (1925). История революций от Нидерландского восстания до Французской революции. Том II. М., Петроград: Гиз. [**Conradi A.** (1925). *A History of revolutions from the Dutch revolt to French revolution*. Vol. II. Moscow, Petrograd: Giz (in Russian).]
- Косса Л.** (1900). История экономических учений. Киев–Харьков: Южно-русское книгоиздательство. [**Kossa L.** (1900). *A history of economic doctrines*. Translated from Italian. Kiev, Kharkov: Juzhno-russkoe knigoizdatel'stvo (in Russian).]
- Крижанич Ю.** (1997). Политика. М.: Новый Свет. [**Krizhanich Yu.** (1997). *Politika*. Moscow: Novyi Svet (in Russian).]
- Кулишер И.М.** (1908). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб.: Тип.-Лит. А.Г. Розена. [**Kulisher I.M.** (1908). *Evolution of return on capital due to development of industry and commerce in Western Europe*. Vol. 2. Saint Petersburg: A.G. Rozen Press (in Russian).]
- Кулишер И.М.** (1916). Нидерланды (история). В кн.: «Энциклопедический словарь "Гранат"». Т. 30. М.: Братья А. и И. Гранат и К°. [**Kulisher I.M.** (1916). *The Netherlands (history)*. In: *An Encyclopedic Dictionary "Granat"*. Vol. 30. Moscow: Brat'ja A. & I. Granat & K° (in Russian).]
- Лангенбек В.** (1927). История мировой торговли. М., Л.: Госиздат. [**Langenbeck W.** (1927). *The history of world trade*. Translated from German. Moscow, Leningrad: Gosizdat (in Russian). Originally published: Langenbeck W. (1926). *Geschichte des Welthandels der Neuzeit*. Leipzig: J.J. Weber.]
- Левитский В.Ф.** (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: Адольф Дарре. [**Levitskii V.F.** (1914). *A his-*

tory of political economy relative to history of economic life. Khar'kov: Adol'f Darre (in Russian).]

- Львова Д.А.** (2017). Генезис бухгалтерского учета в общественном секторе экономики. Дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. СПб.: СПбГУ. [**Lvova D.A.** (2017). *The genesis of accounting in the public sector of the economy.* Thesis for the degree of Doctor of Economics. Saint Petersburg: SPbSU (in Russian).]
- Малов В.Н.** (2000). Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619–1683) // *Новая и новейшая история.* № 3. С. 97–109. [**Malov V.N.** (2000). Jean-Baptiste Colbert – reformer of the 17th century (1619–1683). *New and Contemporary History*, 3, 97–109 (in Russian).]
- Манту П.** (1937). Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.: Соцэкгиз. [**Mantoux P.** (1937). *The Industrial revolution in the 18th century in England.* Translated from French. Moscow: Sotsekiz (in Russian). Originally published: Mantoux P. (1906). *La Révolution industrielle au XVIIIe siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre.* Paris: Société de librairie et d'édition.]
- Маркс К.** (1960). Капитал. Том 1. В: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат. [**Marx K.** (1960). Capital. Vol. 1. In: Marx K., Engels F. *Collected Works.* Vol. 23. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Маркс К.** (1962). Теории прибавочной стоимости. Ч. I. В: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. М.: Политиздат. [**Marx K.** (1962). The theories of surplus value. Part I. In: Marx K., Engels F. *Collected Works.* Vol. 26. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Маршалл А.** (1993). Принципы экономической науки. Т. II. М.: Прогресс. [**Marshall A.** (1993). *Principles of economics.* Vol. II. Moscow: Progress (in Russian).]
- Мэдисон Э.** (2012). Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. М.: Изд. Института Гайдара. [**Maddison A.** (2012). *Contours of the world economy, 1–2030.* Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).] {Оригинал: Maddison A. (2007). *Contours of the World Economy 1-2030 AD: Essays in Macroeconomic History.* Oxford: Oxford University Press}.
- Онищук С.В.** (1995). Исторические типы общественного производства. Политическая экономия мирового исторического процесса. М.: Наука, Восточная литература. [**Onischuk S.V.** (1995). *Historical types of social production. A political economy of world historical process.* Moscow: Nauka, Eastern Literature (in Russian).]
- Ошибка футуролога (2018) // *Наука и жизнь.* № 3. С. 13. [The mistake of a futurologist (2018). *Science and Life*, 3, 13 (in Russian).]
- Петти У.** (1940). Экономические и статистические работы. Т. I–II. М.: Соцэкгиз. [**Petty W.** (1940). *Economic and statistic works.* Moscow: Socekiz (in Russian).]
- Пипуныров В.Н.** (1982). История часов с древнейших времен до наших дней. М.: Наука. [**Pipunyrov V.N.** (1982). *The history of watches from ancient times to the present day.* Moscow: Nauka (in Russian).]
- Питулько Г.Н.** (2011). Из истории формирования либеральной доктрины в революционной Англии // *Вестник Тюменского государственного университета.*

- № 2. С. 51–56. [Pitulko G.N. (2011). From the history of the formation of liberal doctrine in revolutionary England. *Bulletin of the Tyumen State University*, 2, 51–56 (in Russian).]
- Полное собрание законов Российской Империи (1830). Т. VII. № 4378. СПб. [*Complete collection of laws of the Russian Empire* (1830). Vol. VII. № 4378. Saint Petersburg (in Russian).]
- Померанц К.** (2017). Великое расхождение. М.: Дело. [Pomeranz K. (2017). *The Great divergence*. Moscow: Delo (in Russian). Originally published: Pomeranz K. (2000). *The Great divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy*. Princeton: Princeton University Press.].
- Портер М.** (2017). Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер. [Porter M. (2017). *International competitiveness. The competitive advantage of nations*. Moscow: Alpina Publisher (in Russian). Originally published: Porter M. (1998). *International Competitiveness. The Competitive Advantage of Nations*. Free Press, a Division of Simon & Schuster Inc.].
- Райнерт Э.** (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ ВШЭ. [Reynert E. (2011). *How rich countries got rich and why poor countries stay poor*. Moscow: SU HSE Publishers (in Russian). Originally published: Reynert E. (2008). *How rich countries got rich and why poor countries stay poor*. London: Constable.].
- Ронкалья А.** (2018). Богатство идей: история экономической мысли. М.: ИД НИУ ВШЭ. [Roncaglia A. (2018). *The wealth of ideas. A history of economic thought*. Moscow: NRU HSE Publishers (in Russian). Originally published: Roncaglia A. (2005). *The wealth of ideas. A history of economic thought*. Cambridge: Cambridge University Press.].
- Святловский В.** (1910). Очерки по истории политической экономии. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза». [Svyatlovsky V. (1910). *Essays on the history of political economy*. Saint Petersburg: Tovarishchestvo "Obshchestvennaja pol'za" Press (in Russian).].
- Сили Дж.Р., Крэмб Дж.А.** (2004). Британская империя. М.: ЭКСМО, Алгоритм-Книга. [Seeley J.R., Cramb J.A. (2004). *British Empire*. Moscow: EKSMO, Algorithm-Kniga (in Russian).].
- Слущкий Е.Е.** (2010). Экономические и статистические произведения. Избранное. (Антология экономической классики). М.: ЭКСМО. [Slutsky E.E. (2010). *Selected works in economics and statistics*. Moscow: EKSMO (in Russian).].
- Смит А.** (2007). Исследование о природе и причинах богатства народов. (Антология экономической классики). М.: ЭКСМО. [Smith A. (2007). *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Moscow: EKSMO (in Russian).].
- Струве П.** (1896). Laissez faire et laissez passer. В кн.: «Энциклопедический словарь». Полтом 34. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. [Struve P. (1896) Laissez faire et laissez passer. In: *Encyclopedic dictionary*. Semi-Vol. 34. Saint Petersburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron (in Russian).].
- Студенский П.** (1968). Доход наций. Пер. с англ. М.: Статистика. [Studenski P.

- (1968). *The income of nations*. Translated from the English. Moscow: Statistics (in Russian). {Оригинал: Studenski P. (1961). *The income of nations: Theory, measurement, and analysis*. Washington Square; New York University Press.}
- Тарле Е.В.** (2001). *Политика. История территориальных захватов (XV–XX века)*. М.: ЭКСМО-ПРЕСС. [Tarle E.V. (2001). *Politics. The history of territorial conquests (XV–XX centuries)*. Moscow: EKSMO-PRESS (in Russian).]
- Фриз П.Г.Г.** (1998). Социально-экономическая структура европейского общества и ее изменения в XV–XVIII вв. В кн.: «От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния». М.: РОССПЭН. [Vries P.H.H. (1998). *European socioeconomic structure and its changes in XV–XVIII centuries*. In: *From agrarian society to welfare state*. Translated from Dutch. Moscow: ROSSPEN (in Russian). Originally published: Vries P.H.H. (1994): *Van agrarische samenleving naar verzorgingsstaat: de modernisering van West-Europa sinds de vijftiende eeuw*. Groningen: Martinus Nijhoff Uitgevers.]
- Чаянов А.В.** (1989). *Теория крестьянского хозяйства*. М.: Экономика. [Chaunov A.V. (1989). *The theory of the peasant economy*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- Черняк Е.Б.** (2003). *Интриги старины глубокой*. М.: Рипол Классик. [Chernyak E.B. (2003). *Intrigues of deep antiquity*. Moscow: Ripol Classic (in Russian).]
- Шоноу П.** (2005). *Цивилизация классической Европы*. Екатеринбург: У-Фактория. [Shaunu P. (2005). *The civilization of classic Europe*. Ekaterinburg: U-Faktoriya (in Russian).] Originally published: Shaunu P. (1993). *La Civilisation de l'Europe classique*. Paris: Flammarion.]
- Янжул И.И.** (1876). *Английская свободная торговля. Исторический очерк развития идей свободной конкуренции и начал государственного вмешательства*. Вып. 1. «Период меркантильный». М.: Типография А.И. Мамонтова и К. [Yanzhul I.I. (1876). *English free trade. The historical outline of the development of ideas of free competition and the foundations of state intervention*. Vol. 1. "The Period is Mercantile". Moscow: A.I. Mamontov and Co. (in Russian).]
- Blanqui J.-A.** (1837). *Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours*. Tome Deuxième. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur.
- Blanqui J.-A.** (1860). *Histoire de l'économie politique en Europe depuis les anciens jusqu'à nos jours. Quatrième édition, revue et annotée*. Tome second. Paris: Guillaumin, Libraire-éditeur. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k235772/fl.item.zoom>
- Blaug M.** (1990). *Economic theory in retrospect*. 4 ed. N.Y., Port Chester, Melbourne, Sidney: Cambridge University Press.
- Cameron R.** (1997). *A concise economic history of the world: From Paleolithic times to the present*. Oxford: Oxford University Press.
- Clark C.G.** (1940). *The conditions of economic progress*. London: MacMillan & Co., Ltd.
- Feargrieve J.** (1917). *Geography and world power*. N.Y.: E.P. Dutton & Company Publishers.
- Heckscher E.** (1936). Revisions in economic history: V. Mercantilism. *The Economic History Review*, 7, 1, 44–54.

- Kiker B.F.** (1966). The historical roots of the concept of human capital. *Journal of Political Economy*, 74, 5, 481–499.
- Mahan A.T.** (1890). *The influence of sea power upon history, 1660–1783*. Boston: Little, Brown and Co.
- McCulloch J.R.** (1828). Introductory Discourse. In: *Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. J.R. McCulloch (ed.). Edinburgh: A. Black and W. Tate. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hwa1zb;view=1up;seq=57>
- Mousnier R.** (1953). *Les XVIe et XVIIe siècles. Les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715)*. Paris: Les Presses universitaires de France.
- Mun T.** (1621). *A discourse of trade from England unto the East-Indies*. London. Printed by Nicholas Okes. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07886.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>
- Mun T.** (1664). *England's treasure by forraign trade or the balance of forraign trade is the rule of our treasure*. London. Printed by J.G. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A51598.0001.001/1:5.19?rgn=div2;view=fulltext>
- Onken A.** (1902). *Geschichte der Nationalökonomie*. Bd. 1. Leipzig: Hirschfeld.
- Petty W.** (1899). *The economic writings*. Vol. 1. Ch.H. Hull (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Romano R.** (1962). Tra XVI e XVII secolo una crisi economica: 1619–1622. In: *Rivista storica italiana*. Vol. 74, fasc. III.
- Schumpeter J.A.** (1954). *The history of economic analysis*. New York: Oxford University Press.
- Simiand F.** (1932). *Les Fluctuations économiques à longue période de la crise mondiale*. Paris: Félix Alcan éd.
- Small A.W.** (1909). *The cameralists: The pioneers of German social polity*. Chicago: Burt Franklin.
- Strauss E.** (1954). *Sir William Petty: Portrait of a genius*. London: Bodley Head.
- Templ W.** (1705). *Observations upon the United Provinces of the Netherlands*. 7 ed. Corrected and augmented. L.: J. Tonfon. Available at: https://books.google.ru/books?id=_Su2ogKHsUEC&pg=PP9&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false
- Weststeijn A.** (2012). *Commercial republicanism in the Dutch golden age: The political thought of Johan & Pieter de la Court*. Leiden, Boston: Brill.
- Wilson Ch.H.** (1965). *England's apprenticeship, 1603–1763*. L.: Longmans.

Поступила в редакцию 21.08.2017

Received 21.08.2017

G.D. Gloveli

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow,
Russia

Mercantilism, world-system hegemony and protoanalysis of national competitiveness

Abstract. The article represents in a world-system retrospect the European mercantilist discourse versus William Petty’s “Political Arithmetic”. It is revealed that the elevation of the Dutch Republic (the United Provinces of the Northern Netherlands) as the first hegemonic power of the emerging capitalist world-system during 17th century, made this land the “reference area” of the balance-of-trade doctrine. It is demonstrated that W. Petty gave the most insightful and profound explanations of the commercial success and industrial competitiveness of Holland, including various structural and institutional aspects. It is exposed that, unlike other proponents of the doctrine of an active trade balance, Petty did not limit himself to characterizing the Dutch leadership in shipbuilding and navigation and transit trade. He recorded the advanced development in Holland of diversified agriculture (rotation of crops, dairy farming and industrial crops), energy (wind mechanization) and the manufacturing industry (especially on far-delivered raw materials). It is explained in the context of world-systems approach that Petty reflected the core–peripheral structure of the emerging system of the international division of labor and noted that the fastening of the specialization of European countries East of the Elbe in laborious agriculture was the seamy side of the Dutch domination in oversea trade and their specialization in highly profitable industries. In comparison with M. Porter’s “diamond of national competitive advantages”, it was explicated that W. Petty in “Political Arithmetic”, using the example of Holland, actually analyzed three of the four main elements of national competitiveness: 1) parameters of production factors; 2) segment structure and other demand conditions; 3) the presence in the country of related or supporting industries that are competitive in the international market. The foresight of Petty as a forecaster is noted, which allowed him to discern the essential signs of the rise of England as a new hegemonic power in the next systemic cycle of capitalist accumulation. The distinctive features of England as the reference area of Physiocracy and classical political economy are briefly characterized, in contrast to the Dutch reference area of the trade balance doctrine.

Keywords: *balance-of-trade doctrine, Dutch “reference area”, world-system hegemony, diamond of national competitiveness, core-peripheral structure, axial division of labor, Industrial revolution.*

JEL Classification: B11, B31, L60, N93.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-8